

Глава четвертая

МУДРЕЦ-ВОИТЕЛЬ

Сократ, как истинный грек, есть мудрец. Мудрецов могла производить только древность, где все стихии жизни были слиты в органическое целое... где мыслить значило веровать, и веровать значило мыслить; где иметь нравственное убеждение значило быть готовым умереть за него...

В. Белинский

бросили двухтысячный отряд гоплитов, где служил Сократ, на сорока триерах* покарать изменницу Морскому союзу Потидею**. И, высадившись в Македонии, афинские войска, подкрепленные конницей македонцев, ведомые стратегом Каллием, по-

* Триера (трирема) — боевое судно с тремя рядами весел, расположенных один над другим в шахматном порядке.

** Потидея — город на северном берегу Эгейского моря, бывшая колония коринфян.

шли на Потидею, в то время как объединенная флотилия, семьдесят триер, отплыла туда же вдоль побережья. И сделав несколько кратких бросков, расположился Каллий лагерем в местечке Гигон, вблизи Потидеи, отделенной от него небольшим перешейком. Когда же наутро афиняне двинули войска к стенам Потидеи, то на перешейке встретило их войско потидейцев и двухтысячный отряд коринфян во главе с Аристеем. И ринулись гоплиты на гоплитов, пращники на пращников, и, громыхнув громоподобно, началась кровавая сеча...

В той битве Ника* улыбнулась афинянам, а уцелевшие враги бежали под защиту потидейских стен. Потидейцы же, в знак признания своего поражения, похоронили, с разрешения афинян, своих павших воинов.

Но не сдались войска, укрывшиеся в Потидее, и, окруженные с суши и с моря, много месяцев еще держали оборону...

Тогда-то и смог убедиться Сократ, насколько важна для него, немолодого воина, телесная закалка юных лет, ибо и голод, когда случалась при осаде нехватка еды, и летний зной, и холод зимней стужи сносил он удивительно стойко. И как-то раз, когда обрушился на Потидею страшной силы буран, что только смельчаки рискнули выходить наружу, сперва напялив на себя овчины и укутав ноги войлоком, так Сократ и в эту непогодь выходил из палатки в одном плаще и босой шагал по снегу и льду, не чувствуя холода и изумляя обутых.

Сносить же лишения в его немолодые годы помогала Сократу давняя еще привычка: не думая о постороннем, уходить в размышления. Однажды — дело было уже летом — вышел он на улицу и, погружившись в мысли, простоял на месте целый день. И воины смотрели на него, дивясь, качали головами и выразительно крутили пальцем возле лба. Отуживав и забрав свои подстилки, вышли они из палатки и, готовясь ко сну на свежем

* Ника — богиня победы.

воздухе, косились на Сократа: мол, долго ли так простоит этот чужак. Сократ же, не видя ничего вокруг, простоял всю ночь и только на рассвете, помолившись солнцу, ушел...

А мучила, терзала ум Сократа загадка бытия, вечная для всех живущих: зачем разумные существа убивают себе же подобных? И, зная, что корень злейшего из зол — в соперничестве богачей, подлинных владельцев государств, за овладение все большими богатствами и большей властью, вопрошал: «О боги! Что есть алчность человеческая? Для чего она?.. Зачем, наевшись досыта, человек продолжает есть? Зачем, напившись допьяна, он продолжает пить? Зачем выигравший в кости кучу денег не ограничится на том, а ставит ее на кон? Зачем вкусивший славы жаждет все большей и большей? Зачем овладевший одной ступенью власти стремится к следующей? Зачем скопивший несметные сокровища не остановится на том, а продолжает их копить и дальше?»

И отвечал себе Сократ: «Затем же, зачем творец добра продолжает творить его до смерти; затем же, зачем творящий прекрасное в искусстве, не останавливаясь, продолжает творить его; затем же, зачем служитель истины идет за нее на муки и смерть... Затем, Сократ, что все, о чем ты думаешь, есть страсти человеческие!»... «Так что же они такое, эти страсти, о боги?! Отчего им дана такая власть над поступками? Не потому ли, что происхождением своим страсти древнее разума?»... И не нашел Сократ ответа в разуме своем и продолжал терзать его все новыми вопросами...

Но, погружаясь в мысли, не забывал Сократ о долге перед родиной, и с первым звуком военной трубы, звавшей в поход или на битву, мудрец превращался в воителя. Встретив же под Потидеей беспутного ученика своего, Алкивиада, был рад ему Сократ, как сыну, ибо юный племянник Перикла, облаченный в хорошо подогнанные по его изящной фигуре доспехи, блистал военной доблестью так же, как в Афинах на поприще муз и со-

стызаниях в ловкости. И даже в пылу сражений, находясь с ним плечом к плечу и видя, с какой отчаянной отвагой владеет ученик его копьем, мечом и дротиками, как бесстрашно рвется в гущу схватки, не упускал возможности Сократ полюбоваться юношей, уподобляя все его движения грации молодого, сильного зверя. А в главной Потидейской битве, в то время как левое крыло афинян одерживало стремительную победу, а правое, где сражались Сократ с Алкивиадом, потеряв убитым Каллия, под страшным натиском гоплитов Аристея обратилось в бегство, и, когда случилось, что, раненный дротиком в голо-

ву, Алкивиад свалился наземь, Сократ с мечом в руке пробился к нему сквозь толпу коринфских наемников и вынес с поля битвы его самого и его оружие. Придя же в себя уже после боя, Алкивиад просил военачальников наградить своего спасителя, но Сократ воспротивился этому, ратуя за то, чтобы был награжден за воинскую доблесть Алкивиад; и лишь снисходя к высоте положения племянника Перикла, награду получил Алкивиад...

Когда же потидейцы, продержавшись за стенами города два года и дойдя от изнурения до людоедства, сда-

лись на милость победителя (и были выпущены на свободу), афинские войска, оставив в Потидее гарнизон, выступили против вражеского города Спартолы, что в Македонии, но, разбитые могучей конницей халкидян*, бежали назад в Потидею. Тогда-то с уцелевшим отрядом гоплитов, отправленным в Афины, вернулись Сократ с Алкивиадом домой.

...И сжалось сердце Сократа при виде родины, затянутой вонючими дымами погребальных костров, ибо вот уже третий год свирепствовала в Афинах чума, как говорили, занесенная сюда из Эфиопии спартанцами, тайно отравившими водоемы Пирея.

И хотя застал Сократ Ксантиппу и Лампрокла живыми и здоровыми, радость от встречи родных была омрачена зрелищем смерти, гулявшей по городу: мор никого не щадил, ни крестьян, бежавших в Афины из сожженных врагом деревень, ни богатых олигархов, ни ремесленный люд, ни рабов, ни детей, ни женщин; на улицах, в домах, у подножий храмов и общественных зданий, везде, распространяя гнойное зловоние, лежали умирающие, с кроваво-красными от жара глазами, с распухшим языком; больные корчились от рези в животе и от мучительной икоты, тела их были усыпаны язвами; и, мучимые непрестанной жаждой, подползали люди к колодцам, но, сколько ни пили, напиться не могли; и, обессиленные поносами, на седьмые-девятые сутки больные умирали; у выживших же нередко отсыхали конечности, некоторые слепли, другие теряли память и не узнавали родных...

И поскольку не хватало человеческих рук, дабы очистить город от гниющей скверны, взял Сократ длинный крюк и, прокоптив себя дымом, целыми днями стаскивал трупы в костры и погребальные ямы. И мучила совесть его за людские страдания и безразличие умов, ибо при первых признаках болезни теряли афиняне волю к жизни

* Жители Халкиды, города Этолии — области Греции.

и лишь молились богам в переполненных храмах. Те же, кого пока еще щадила чума, смотрели со стен осажденных Афин на пожарища всемирно известных оливковых рощ в Ахарнах * и, проклиная войну, гнев свой изливали на Перикла, виня во всем его и Аспасию, в угоду которой он якобы начал войну. И терял свою власть над народом Перикл, невольно уступая первенство грубому и ограниченному демагогу ** Клеону...

И чума не пощадила дом Перикла, унеся в могилу двух его сыновей от первой жены. И, предчувствуя близкую смерть свою, озаботился Перикл судьбой единственного своего наследника, сына от Аспасии, названного также Периклом; и, дабы исхлопотать ему, родившемуся от милетанки, законное гражданство и тем самым — право на наследство, выступил отец Перикл с такою речью, что даже безразличное от горестей народное собрание привел в изумление, ибо требовал невозможного: отмены древнего закона, дававшего право быть гражданином Афин лишь тому, у кого оба родителя коренные афиняне.

И, придя на агору послушать Перикла, стал Сократ свидетелем необычайной суматохи, поднявшейся в Собрании: «Он выжил из ума!» — кричали одни, «Его сломали несчастья!» — кричали другие, третьи разразились хохотом, а четвертые орали «Долой!». И хотя закон оставили в силе, большинство из уважения к прошлым заслугам Перикла-отца даровало его сыну право гражданства...

Чума же, теряя силы, уже на отлете, зацепила черным крылом своим последние несколько жертв и в их числе Перикла. И Аспасия, давно не признававшая ни заклинаний, ни поверий, ни власти магии, как тонущий, хватающийся за соломинку, кинулась спасти любимого человека талисманами и начертанными на пергаменте за-

* А х а р н а — дем, округ в Аттике.

** Д е м а г о г — буквально и по первоначальному смыслу — вождь народа; постепенно термин получил отрицательный смысл.

говорами, которые подкладывала под подушку Периклу. Но рок уже свершил свой приговор: в месяце Боедромиионе Третьего года Восемьдесят Шестой Олимпиады * его не стало...

И, шествуя в похоронной процессии за плачущей Аспасией, облаченной в белые одежды **, смотрел Сократ на строгий лик того, кто был олицетворением мудрости государственной и чьи прекрасные и в вечном молчании уста были прикрыты, как дань Харону ***, серебряной монетой, и, вспоминая жизнь его, с грустью радовался, что по вине стратега Перикла, слава богам, никто из афинян траурную тризну по родным не справлял.

...А вскорости, едва успели очистить город от последствий мора, из Саламина, чей мыс обращен на Афины, сигнальными огнями дали знать о нападении на остров спартанского флота, и в городе поднялась суматоха небывалая.

И думали уже, что враг, захватив Саламин, вот-вот войдет в Пирей (опасность же такая, и верно, была, ибо военных кораблей для охраны гавани царица морей не держала), и, созвав народных ополченцев и других, кто, как Сократ, нес службу в городе, бросились афиняне на помощь в Пирей и, спустивши на воду сто резервных кораблей, в смятении отплыли на остров, тогда как пехотинцы, и Сократ среди них, оцепили Пирей. Спартянцы же, узнав об этом, погрузились на корабли и спешно отплыли в Нисею ****, успев, однако, опустошить большую часть острова. И, не застав врагов у Саламина, вернулись афиняне назад и, усилив охрану Пирея, вход в гавань стали запирают.

С тех пор, определенный к караульной службе в га-

* Сентябрь — октябрь 429 г. до н. э.

** В Древней Элладе в знак траура одевались в белые одежды.

*** Харон — мифический перевозчик душ умерших в подземном царстве.

**** Гавань государства Мегары в Пелопоннесе.

вани, Сократ и жил в Пирее, лишь изредка наведываясь домой.

Когда же наступило лето, четвертое лето войны, то в пору созревания хлебов снова вторгся Архидам в окрестности Афин и начал выжигать поля; и хотя афинская конница, мешая врагу, производила на него налет за налетом, легковооруженное войско спартанцев, оказавшись сильней, отошло не раньше, чем иссякли у них запасы продовольствия.

И, заручившись поддержкой Архидама, зная, что мощь афинян ослаблена чумой, огромными военными расходами, а военная флотилия разобщена маневрами у берегов Пелопоннеса, подняли восстание против Афин лесбосцы.

Афиняне же, желая отомстить предателям, снарядили на Лесбос * корабли под началом стратега Пахета, и в тысячный отряд его гоплитов, сформированный из опытейших воинов, исполнявших к тому же по недостатку средств обязанности гребцов, попал и Сократ.

И, участвуя в осаде, длившейся год, главного города Лесбоса, Митилены, обложенного войском афинян с суши и с моря, убеждался еще раз Сократ, что в городах, даже там, где установлено народовластие, не народ главенствует, а богачи, ибо в той же Митилене, как рассказывали перебежчики, народ к измене понудили угрозами и подкупом аристократы, вступившие в сговор со Спартой, дабы восстановить на острове власть знатных и богатых, олигархию **.

Зиму и лето прождали осажденные обещанную Архидамом помощь, и хотя посланник царя, Салеф, еще зимой пробравшись тайно в Митилену, уверял, что на Лесбос идет под началом самого наварха *** Алкида спартанский флот, терпение осажденных, как и запасы продовольствия, истощались, и народ роптал.

* Лесбос — остров в Эгейском море.

** Олигархия — буквально: «правление немногих».

*** Наварх — в Древней Спарте — адмирал.

И тогда Салеф, и сам потерявший надежду на скорое прибытие Алкида, взял командование на себя и, собравшись сделать вылазку, вооружил народ тяжелым оружием. И тут, получив оружие, народ оборотил его против властей, требуя от богатеев, чтобы те открыто объявили о своих запасах хлеба и раздали их всем поровну, иначе-де они договорятся сами с афинянами о сдаче города. И, бессильные как-либо помешать бунтующим простолюдинам, олигархи именем всех граждан Митилены предложили договор Пахету: пусть участь митиленцев решит в Афинах народ, Пахет же сам не должен никого ни убивать, ни заключать в оковы, ни обращать в рабов; митиленцы же, впустив победителей в город, отправят в Афины послов.

И, приняв условие, ввел Пахет войска. И с болью в душе воин Сократ наблюдал митиленцев, бежавших к алтарям и севших там в молящейся позе *. Но не тронули афиняне никого из них и лишь главных сторонников Спарты, олигархов, заключили под стражу, пока их участь не решит народное Собрание. Однако Салефа, сокрывавшегося в городе, Пахет разыскал, пленил и отправил в Афины вместе с большей частью воинов, поручив его Сократу.

Когда же пленника, сопровождаемого посольством митиленцев, доставили в Афины, Собрание без промедления приговорило его к смерти, и, хотя спартанец клялся и божился, что в обмен на жизнь его спартанцы снимут осаду с союзной афинянам Платеи **, Салефа казнили, затем стали решать судьбу митиленцев.

И снова дивился Сократ, как тяжкие лишения войны, накаляя страсти, затуманивают злобой разум даже самых добродушных граждан, ибо озлобленный народ обрушил

* Религиозный обычай эллинов запрещал им убивать молящихся.

** Платея — город Беотии; после четырехлетней осады взят и разрушен спартанцами до основания, из 480 человек гарнизона 212 спаслись, 225, оказавшись в плену, были казнены.

гнев на голову послов восставших; и более других негодовал и злобствовал на Митилену демагог Клеон, доказывая афинянам, что лесбосское восстание не было внезапным, а подготовлено давно, и действовали митиленцы по заранее обдуманному плану, а потому заслуживают смерти.

И, распаленное речью Клеона, никого и ничего уже не слушая, Собрание решило: всех митиленцев казнить, детей же и женщин продать как рабов...

Когда же наутро отправилась триера с приказом Пакхету кончать с митиленцами, заметил Сократ смятение на многих лицах афинян, втайне сожалеющих за поспешность своего жестокого решения. И, радуясь, что жива добродетель сограждан и вот-вот готова вырваться из плена остывающего зла, кинулся Сократ к друзьям, Критону и Алкивиаду, служившим в коннице афинского гарнизона, и, вовлекая в замысел друзей своих друзей, всех, кто в эту пору оказался в городе, собрал немалое число сторонников пересмотреть вчерашнее решение.

И тогда послы Митилены, заручившись поддержкой афинских гостеприимцев *, обратились к властям, прося вторично обсудить вопрос, и архонты **, видя, что и народ того же хочет, созвали Собрание. И, найдя оратора Диодота, бывшего в то время членом Совета Пятисот и накануне протестовавшего против казни митиленцев, Сократ с друзьями уговорили его выступить на Собрании с речью. Но первым слово взял лысоголовый Клеон и, разгневанный новым оборотом дела, сказал:

— Мне и прежде приходилось убеждаться в неспособности демократии властвовать над другими, и ваше сомнение, афиняне, относительно приговора над митиленцами подтверждает это еще раз. Союзники повинуются вам отнюдь не за то, что вы угождаете им себе во

* Гостеприимец — «проксен» — лицо, оказавшее гостеприимство гражданам другого государства и получившее от последнего ряд привилегий.

** Архонты — высшие должностные лица в Афинах.

вред. На верность их вы можете рассчитывать в одном случае — если ваша власть над ними будет тиранией, ибо подчиняются, лишь уступая силе! Но хуже нет в этом деле сомнений и колебаний, свойственных тем, кто умствует и вольномыслит! Однако как раз они-то, эти люди, и хотят верховодить в Собрании, хотя их умствования приносят только вред! Необразованность при наличии благонамеренности куда полезнее умствующего вольномыслия! Ведь простые, немудрящие люди не оспаривают то, что верно высказано другими. Так надо действовать и нам: не увлекаться красноречием и не блистать умом, а выступать согласно собственным убеждениям. Я же сразу скажу, что остаюсь при своем вчерашнем мнении и только удивляюсь тем, кто додумался вновь назначить собрание по делу митиленцев. Ведь со временем гнев пострадавшего остывает, и он менее строго карает обидчика, тогда как самое справедливое возмездие может последовать лишь сразу за обидой. Меня поражают те, кто пытается выгородить митиленцев. И я попытаюсь отвлечь вас, граждане, от этого заблуждения.

Я мог бы понять, афиняне, измену того союзника, кому наша власть над ним была бы слишком в тягость. Но разве Митилена не была под нашей властью самостоятельным, свободным государством? Наоборот, сидя за крепкими стенами на своем острове, открытом нападению разве только с моря, да и здесь надежно защищенные своим сильным флотом, они благодаря нашему вмешательству в их гражданские дела и благодаря нашей военной поддержке были неуязвимы для любого врага! И чем же они нам ответили за независимость, которую мы им даровали? Предательством! Ибо слово «восстание» предполагает угнетение, которого в данном случае не было*. Поистине, афиняне, чрезмерное счастье, выпавшее какому-нибудь городу, обычно порождает за-

* На самом деле, как свидетельствует «История» Фукидида, равноправие Митилен давно тяготило Афины.

носчивость. Так случилось и с Митиленой, которая вступила в союз с нашим смертельным врагом! Как видно, их ничему не научила участь соседей, чьи восстания были уже раньше подавлены нами*. И винить в предательстве митиленцев одних только олигархов, оставляя безнаказанным народ, вы не должны! Ведь к Спарте они примкнули единодушно, никаких распрей на этот счет у народа с олигархами не было. Так пусть все понесут заслуженную кару! Что же касается великодушия, то оно уместно по отношению к тем, кто может его надлежащим образом оценить, но не к врагам. К тому же, если вы намерены и дальше властвовать, то заботиться о справедливости вам ни к чему, иначе вам придется отказаться от господства над союзниками и мирно красоваться своим великодушием.

Итак, не предавайте себя, афиняне. Подумайте, как митиленцы расправились бы с вами, если бы одержали верх. Отомстите им тем же, чем они грозились вам. Покарайте их и покажите остальным союзникам на их примере, что карой за измену будет смерть!

И, кончив, бледный от гнева Клеон уселся на свою скамью. Народ же огласил просторы каменного здания: одни — аплодисментами, другие — их было меньше — шиканьем и топаньем. Сократ же думал, глядя на сограждан, многих из которых знал в лицо: «Насколько же невежествен народ,веряющий судьбу свою и государства таким, как демагог Клеон...»

И вышел говорить оратор Диодот, расположивший публику сперва красиво расшитым хитомом и приятным голосом, а позже — доводами. И сказал Диодот:

— Я не одобряю противников повторного обсуждения столь важного дела. По моему мнению, больше всего препятствуют правильным решениям два обстоятельства — поспешность, которая бывает следствием безрас-

* Афиняне жестоко карали любую попытку отмежеваться от Морского (Делосского) союза.

судства, и раздражение, которое бывает следствием грубости и невоспитанности. Всякий, кто возражает против того, что речи — учителя дел*, — неразумен, ибо ничем иным, как обсуждением, к истине прийти нельзя. Такой человек, зная, что словами ему не скрасить неразумное дело, обращается к поношениям, выдавая ум и красноречие за нечто вредное и запугивая ими противников и публику. Ясно, что город, слушаясь таких людей, может только пострадать, потому что боязнь ума и красноречия лишит его лучших советчиков. Хороший гражданин должен доказывать свою правоту не запугиванием противника, а в честном споре как равный с равным. Мы же поступаем как раз наоборот: всякому, кто явно желает добра Афинам, граждане отплачивают за это подозрением, что он втайне хочет чем-то поживиться. А ведь вам, афиняне, следовало бы помнить, что мы, ораторы, ответственны за наши советы, тогда как вы за то, что их принимаете, не отвечаете ни перед кем. А надо бы сделать так, чтобы не только тот, кто подает дурной совет, но и те, кто следует ему, несли одинаковую ответственность, тогда и приговоры ваши были бы и разумнее и умереннее.

Я выступаю здесь не как защитник митиленцев и не их обвинитель, а пекусь лишь о том, какое решение нам следует принять в интересах нашего государства. И если Клеон настаивает на смертной казни митиленцев, то я решительно утверждаю обратное. И вот почему.

За многие тяжкие преступления государства карают смертной казнью, однако и от этой меры преступность не уменьшилась, ибо в тех или других житейских обстоятельствах снова и снова с неодолимой силой разжигаются в человеке слепые страсти; то бедность, угнетая человека, внушает ему дерзость преступить закон, то избыток в сочетании с высокомерием возбуждает в нем стремление добиться большего в обход законам, и эти невиди-

* Мысль Перикла.

мые страсти гораздо сильнее действуют на человека, чем зрелище самых страшных казней. Нечто подобное происходит и с государствами, только здесь побуждают нарушить закон более важные причины — стремление к свободе или к господству. Потому-то и не следует применять к мятежникам столь суровую кару. Ведь, узнав о вашей жестокости, другой союзный город, случись ему восстать против нас, а затем, убедившись в собственной слабости, — раскается, оружие не сложит, а будет защищаться до последней крайности. Так разве, афиняне, вы не пострадаете от этого? Наши средства мы истратим на долгую осаду не желающих сдаваться. И если все же мы захватим город, то нам достанется лишь груда развалин, от которых никаких доходов не получишь.

Подумаем еще и вот о чем. Если вы казните жителей Митилены, которые добровольно сдали вам город, то уничтожите тем самым всех ваших доброжелателей, а олигархии окажете огромную услугу. Ведь случись олигархам склонить город к восстанию, народ, зная, что вы караете одинаково виновных и невинных, пойдет за ними. И вы не должны допустить перехода еще оставшихся у нас друзей в лагерь врага. Вот почему я считаю, что вы совершите величайшую ошибку, последовав совету Клеона.

И если вы признаете, что мое предложение полезнее для Афин, то оставьте народ Митилены в покое, а главных сторонников Спарты, олигархов, накажите. Такая мера, мне кажется, послужит для наших возможных врагов достаточным предупреждением: ведь мудрые решения дают нам большее преимущество, нежели безрассудное насилие!

И, кончив, удалился Диодот на место, народ же снова зашумел, затопал и после бурных споров проголосовал за предложение Диодота.

И сказал Сократ сидевшему рядом Критону:

— Слава богам, Критон, что народ внял голосу разума и митиленцы будут спасены...

Но рано ликовал Сократ с друзьями спасению народа Митилены, ибо не знал никто, догонит ли триера с новым приказом Пахету первую, отправленную на Лесбос сутками раньше.

Митиленские же послы, отправившись в погоню на второй триере, запаслись для экипажа маслом, ячменной мукой и вином, обещая к тому же гребцам щедрое вознаграждение, если те догонят первую триеру. И афинские гребцы с усердным рвением гребли, и пока одни работали веслами, другие спали; питались же они ячменной мукой, замешенной на масле и вине. И, к счастью, спокойно, безветренно было на море, а первая триера, везущая приказ о смертном приговоре, плыла не спеша.

Но как ни гнали вторую триеру измученные гребцы, первая ее опередила, и когда, причалив к берегу, послы вбежали в палатку Пахета, тот, прочитав уже смертный приговор, давал распоряжения о казни. И, будучи на волосок от гибели, митиленцы спаслись...

Сократ же, вновь справлявший в гавани Пирей караульную службу, все глаза проглядел, дожидаясь возвращения триер с Лесбоса.

И, когда вошла наконец-то в Пирей долгожданная триера с афинянами, сопровождавшими тридцать закованных Пахетом главных виновников мятежа *, и толпа горожан, запрудившая пристань, узнала от посланцев о спасении народа Митилены, радости встречающих не было предела. Сократ же с друзьями во славу богов-спасителей закатили добрую пирушку в доме Критона.

...В ту же пору получили афиняне весть сигнальными огнями с острова Левкада **, что наварх Алкид с пятьюдесятью кораблями штурмует Керкиру ***, снарядили афиняне шестьдесят кораблей с эпибатами **** и гопли-

* Впоследствии, по предложению Клеона, казненных.

** Левкада — остров у берегов Акарнании, области на западе Средней Греции.

*** Совр. Корфу — союзный афинянам остров в Ионийском море.

**** Эпибаты — морские пехотинцы.

тами на борту, и вместе с ними на помощь керкирянам отплыл добровольцем Сократ. Алкид же, узнав о приближении противника, развернул флотилию и вернулся домой.

И, высадившись с войском на Керкире, узнал Сократ из уст очевидцев трагедию керкирян.

Давно уже шла на острове междупартийная борьба, ибо тянулись олигархи к Спарте, а народ к Афинам. Когда же по прибытии на остров выступили перед керкирянами послы афинский и коринфский, каждый склоняя их на свою сторону, враждующие партии условились, оставив в силе договор с Афинами*, возобновить свою прежнюю дружбу со спартанцами. Но стоило триерам с послами отплыть, как керкирские олигархи привлекли к суду вождя демократов Пифия, ложно обвинив его в намерении подчинить Керкиру афинскому господству.

И, с трудом оправдавшись, Пифий обвинил ответно пятерых самых богатых противников в том, что они вырубали подпорки виноградных лоз в священной роще Зевса. Тщетно умоляли богачи, присужденные к огромному штрафу, разрешить его выплату в рассрочку: Пифий, и как демагог, и как член Совета, настоял, чтобы виновные ответили по всей строгости закона.

И тогда, замыслив заговор и вооружившись кинжалами, ворвались богачи и их сторонники в помещение Совета и закололи Пифия и шестьдесят советников из простого народа. И, созвав Собрание, сказали олигархи, будто заговор их во благо и необходим для избавления от ига афинян; впредь же гавань Керкира должна быть заперта для обоих враждующих союзов.

И, склонив народное Собрание одобрить это предложение, снарядили олигархи посольство к афинянам, желая перед ними выставить переворот в выгодном свете. Афиняне же, схватив послов, заключили их под стражу как мятежников. Тогда богатеи Керкиры, взявшись за ору-

* Союз был только оборонительный.

жие, напали на народ и, одержав победу, установили в городе власть олигархии. Демократы же, отойдя с наступлением ночи к Гиллайской гавани и закрепившись здесь, сманили к себе обещанием свободы рабов из окрестных полей и, усилившись таким образом, пошли на олигархов.

В сражении, где наравне с мужчинами участвовали женщины, бросавшие на голову врагу черепицу с крыши и стойко выдержавшие смятение битвы, олигархи потерпели поражение. И, спасаясь от народа, не щадили олигархи ни своих, ни чужих домов, предавая их огню, так что пожар уничтожил множество купеческих товаров, да и город стал бы добычей пламени, не отбрось его ветер в противную сторону.

Лишь ночь прекратила сражение. С наступлением же утра вошли в Гиллайскую гавань двенадцать кораблей афинского стратега Никострата с полтысячью гоплитов, и стратегу удалось примирить керкирян, согласившихся предать суду десять наиболее виновных в смуте лиц (впрочем, тут же убежавших).

Когда же Никострат готовился в обратный путь, пришли вожди народной партии и, желая положить конец кссягательствам олигархов, упросили оставить в гавани пять афинских кораблей, а взамен снарядили пять своих, где, кроме невольников-гребцов, экипаж эписбатов по традиции комплектовался олигархами. Когда же призванные в эписбаты олигархи отказались плыть в Афины и бежали под защиту храма Диоскуров*, у демократов проснулась жажда мести, и принялись они уничтожать своих противников всех подряд. И даже тех, кого уговорили служить эписбатами, высадив безоружных с кораблей, всех изрубили мечами. И, уговорив молящихся выйти из святилищ, дабы предстать перед судом, тех, кто вышел, осудили на смерть. Большая же часть из

* Мифические божества, символизирующие братскую неразлучную дружбу.

них, узнав о расправе, стала убивать друг друга у самого алтаря. Другие, охваченные ужасом, вешались на деревьях, прочие кончали с собой кто как мог...

Все же дальнейшее происходило на глазах Сократа и его товарищей, ибо и стратег Евридемонт оказался бессильным остановить разгул кровопролития. Семь дней, пока афинский флот оставался на острове, народ продолжал избивание олигархов, вина их в покушении на демократию, но нередко — из личной вражды и долговой зависимости.

И сжималось сердце Сократа при виде красных от крови мостовых и стен домов, и окровавленных ступеней храмов, и ум отказывался понимать, как могут сыновья керкирян убивать своих отцов, а отцы — своих сынов, и как возможно молящих о защите силой отрывать от алтарей и тут же, в храме, расправляться с ними, следы же крови говорили, что возможно...

Когда же узнал Евридемонт, что демократы заживо замуровали олигархов в храме Диониса, содрогнулось сердце сурового воина, и дал он приказ к отплытию домой *. И Сократ, глядя с палубы на блестящую синевой равнину моря, все глубже уходил в один и тот же мучительный вопрос: «Отчего же политические узы крепче даже кровных и земляческих?.. И раньше бывали в Элладе гражданские войны, но до такой жестокости, как на Керкире, никогда еще не доходило. Как, какими доводами разума остановить разгул братоубийственных страстей? Какими силами свернуть государства на путь добродетели?» — и, не найдя ответа в разуме своем, сокрушался Сократ скудности своих познаний...

И в ту же зиму старое несчастье пережил Сократ — чуму, косившую сограждан целый год, так что, не считая великого множества мирного населения, унесла она из гарнизона триста всадников и четыре с лишком тысячи

* По свидетельству историка Фукидида, изгнанные из Керкиры олигархи, захватив укрепление на материке, долго еще совершали опустошительные набеги на своих соотечественников.

гоплитов; Сократа же мор пощадил, возможно, оттого, что, забывая о себе, взялся он снова за крюк и, записавшись в похоронную команду, очищал Афины от гниющей скверны трупов...

И, словно наказание богов-олимпийцев враждующим эллинам, родным по языку, обычаям, вере и взрастившей их всех земле, обрушились на Элладу земле- и моретрясения такой страшной силы, что царь Агис, сын Архидамма, двинувшись на Аттику, дошел до Истма и, застигнутый землетрясением, в страхе повернул назад; на многих же соседних островах снесла стихия укрепления, дома, разбила корабли, а жителей, не успевших бежать на высоты, похоронила под обломками...

И, сколько ни молились, ни взывали к олимпийцам афинские жрецы, какие только жертвы не возлагали на храмовые алтари, в тот же мрачный год, шестой от начала войны, вести получали афиняне одну печальнее другой. Там воинственные этолийцы, разбив войска Демосфена *, загнали их в лес и, запалив его, сожгли пожаром многих воинов; там сиракузяны — в Сицилии — дерзким нападением уничтожили союзный арьергард отряда афинян, напавших на город Инессу; там акарнаны с амфилохами **, после ухода афинян заключив союз с ампракиотами ***, отпали от Афин; там, рукой подать из Аттики — в Трахинии, — основали вдруг пелопоннесцы крепость — колонию Гераклею и спешно здесь сооружали верфь. В тех же случаях, когда успех сопровождал афинским войскам — в опустошенной ими Танагре ****, в битве при Олпах, городе амфилохов, и в других местах, — жертвы афинян слишком были велики, чтобы успехи радовали победителей...

Что же касалось Сократа, то более всего его трево-

* Демосфен — афинский военачальник.

** Племена Акарнании.

*** Ампракиоты — жители коринфской колонии Ампракии в Эпире.

**** Танагра — город Бсотики.

жила кровавая междоусобица эллинов: начавшись в Керкире, как чумный мор, перекидывалась она из города в город. Воевали друг с другом сицилийские эллины, продолжали враждовать керкиряне, лесбосцы, аргосцы *, беотийцы... да и весь остальной эллинский мир был потрясаяем междоусобицей. До войны подобного междоусобного ожесточения Сократ не помнил. Теперь же обе партии, стремясь к верховенству и надеясь на помощь извне, призывали чужеземцев, олигархи — спартанцев, демократы — афинян, и это еще больше разжигало вражду.

Будто из распахнутого ящика Пандоры **, обрушились на эллинские города всевозможные несчастья, ибо война, этот учитель насилия, сорвала с законов все запреты, перевернув в сознании людей само понимание добродетели: и тот, кто, вечно всем недовольный, поносил других, пользовался у вождей доверием, а люди молчаливые вызывали подозрение; любой доносчик, интриган, заранее раскрывший замыслы, чаще всего мнимые, противника, удостаивался похвалы, а уклонявшихся от интриг считали трусами и врагами своей партии. Отомстить за обиду считалось выше, чем простить ее, взаимная верность людей поддерживалась не соблюдением божеских законов, а скорее их попранием. Взаимные клятвы являлись лишь средством выиграть время, чтобы, собравшись с силами, нанести противнику новый удар.

И разумел Сократ, что причина всех этих зол — все в той же жажде наживы и власти, ибо, прикрывшись завесой из красивых слов о «равноправии для всех» и «умеренной аристократии», утверждая, что будто борются за благо государства, главари обеих партий преследовали собственные выгоды. Благочестие и страх перед богатыми словно не существовали и, добившись власти в городе тем или иным путем, партии спешили утолить свою ненависть к противнику; те же из граждан, кто не

* Жители города Аргоса на северо-востоке Пелопоннеса.

** В ящике Пандоры согласно воле Зевса хранились все человеческие несчастья.

желал примкнуть ни к той, ни к другой стороне, нередко становились жертвами обеих. Да и в жизни самих Афин, охваченных междоусобицей, наблюдал Сократ все большее расстройство; пороки и нечестия цвели, а простота и добродетельность словно исчезли, делаясь предметом поношений. И в этом состязании неразумных страстей с добродетельным разумом одерживало верх невежество, ибо чернь, желавшая возвыситься над людьми здравомыслящими и сдержанными, не брезговала ни доношением, ни клеветой.

И, в угнетении мрачных мыслей, дабы избавиться от них, откликнулся Сократ охотно на зов афинского стратега Гиппократа и, вступивши добровольцем в его войско, отправился на оборону Делия*, отбитого у беотийцев, и здесь ждала его радость неожиданной встречи с Алкивиадом, служившим в коннице. Потолковать же было недосуг учителю с учеником, ибо в ожидании беотийцев, идущих на Делий из Танагры, трудились афиняне с зари до зари на укреплении города рвом, земля которого укладывалась в насыпь.

На пятый же день этих работ, перед заходом солнца, едва только успели афиняне вбить сверх возведенной насыпи крепкие колья, переплетенные виноградными лозами делийского святилища Аполлона, а сами отойти на десять стадий** в сторону, готовясь к бою, как на верху холма, разделявшего позиции противников, показалось многотысячное войско беотарха*** Пагонда. Тогда и довелось Сократу в кровопролитнейшем сражении лицом к лицу сойтись со смертью, ибо в ту минуту, когда афинские войска в жестокой рукопашной схватке, где щиты разбивали щиты, вмяли беотийцев в их правое крыло, из-за холма вдруг выскочила конница Пагонда и врезалась с налету в афинян, афиняне же, приняв ее за све-

* Беотийский город на границе с Аттикой.

** Около двух километров.

*** Беотархи — высшие должностные лица в Беотии.

жее, неизвестное войско, бросились бежать, поддавшись панике.

Сократ отходил плечом к плечу с полководцем Лахетом; мечи того и другого почти непрерывно стучали и лязгали, скрестившись с мечами врага; полуразбитые щиты едва успевали прикрыть их от стремительных дротиков; пыль, взбитая толпой отступающих, ела глаза, сушила горло; и помнил Сократ, как в эту тяжкую минуту к ним поспешил Алкивиад на потном, хрипящем коне и, ринувшись тараном на вражеских гоплитов, остановил их продвижение мечом, после чего в блистающем шлеме с гребнем, во вдохновении битвы прекрасный, как бог Арес *, сказал: «Не падайте духом! Я вас не брошу!»

Заметив же, как Лахет, воин исключительного мужества, отражая новый натиск противника, в изнеможении вдруг пошатнулся, Сократ загородил его собой и, отразив удары, дал ему опомниться. И зная, что в битве преследуют тех, кто бежит без оглядки, Сократ отступал в спокойствии, чинно глядя то на врагов, то на друзей, и завершил отход с Лахетом вместе благополучно под защиту гарнизона Делии.

И был свидетелем Сократ скоропостижной сдачи крепости, ибо, штурмуя Делию, использовали беотийцы, кроме пращников и метателей дротиков, осадные огневые машины, устроенные из полых, изнутри окованных бревен и подвешенных к ним на цепях котлов, горящую смолу в которых раздували с другого конца огромные кузнечные мехи; и бушующее пламя как слизнуло укрепления из оплетенных виноградными лозами кольев, так что гарнизон, спасаясь от огня, стеной окружившего город, бежал к кораблям и снялся с якоря. Так, сражаясь в Делии, вернулись вместе Сократ с Алкивиадом домой.

В ту же зиму ждала афинян еще одна неудача: поте-

* Арес — сын Зевса и Геры, бог войны (тождествен римскому Марсу).

ря колонии Амфиполь *, что на реке Стримоне, захваченной с помощью измены в городе отважнейшим спартанским полководцем Брасидом. И, не желая расставаться с Амфиполем, поставившим корабельный лес в Афины, жаждущая кары мятежникам Скионы и Менды, городов Паллены **, без боя открывших ворота Брасиду, двинули афиняне войска на север и, ворвавшись в Менду (используя отсутствие Брасида, воюющего с варварами, и содействие восставшего в городе народа), дочиста ее разграбив, осадили Скиону; дальнейшие же действия афинских войск остановило перемирие со спартанцами сроком на год. И следующим летом, когда истек срок перемирия, вызвался Клеон, уже как стратег, отличившийся прежде взятием на измор Пилоса ***, снарядить флотилию на север, и в тысячном отряде гоплитов отправился с Клеоном Сократ.

И прибыв к осажденной Скионе, штурмовал Клеон с суши и с моря Торону **** и, двигаясь к Амфиполю, захватил попутно колонию Фасоса *****, Галепс, после чего расположился лагерем напротив Амфиполя, на крутом холме, окруженном болотистой низиной, спускавшейся к реке Стримон.

Спартанец же Брасид, засеvший с войском в Амфиполе, замыслил против афинян военную хитрость: разделив свои войска на две неравные половины и расположив одну из них, под началом Клеарида, у главных ворот, Брасид с единственным отрядом гоплитов притаился у ворот, смотревших в сторону афинян.

И едва только Клеон, узнав о готовности противника к вылазке и не желая до подхода подкрепления рисковать, дал сигнал войскам отходить к городу Эйтону, Брасид, внезапно распахнув ворота, бегом устремил своих

* Город на Фракийском побережье.

** Западный полуостров Халкидики.

*** Город Лаконии, области в Пелопоннесе.

**** Торона — город Халкидики.

***** Остров у берегов Фракии.

гоплитов напрямую, в центр отступающих афинян, а Клеарид из главных амфипольских ворот ударил в левое крыло афинского войска. И, атакованные с двух сторон, пришли афиняне в такое замешательство, что левое крыло уже по дороге в Эйон кинулось бежать и было смято Клеаридом; Брасид же со своим отрядом ринулся в атаку на правое крыло противника.

И в этой схватке, кровопролитнейшей из всех, какие выпали на долю Сократа, отбивавшегося в правом крыле, убиты были оба полководца, Брасид и Клеон; остатки же афинских войск, теснимые спартанской конницей, обратились в бегство...

И через горы, терпя лишения, с трудом добрались афиняне до Эйона, а оттуда морем прибыли на родину...

Видевший при отступлении многие примеры мужества афинских воинов, Сократ в ответ на упреки невежд в трусости вернувшихся из амфипольского сражения с насмешкой говорил: «Как! Разве, отступая, бить врага до смерти — это трусость?!»

Но горечь афинян от поражения была облегчена переговорами враждующих сторон, ибо Никий, главный стратег афинян, и спартанский царь Плистоанакт, полагая наилучшей защитой от опасности мир, заключили его на целые полвека; и хотя с первых же дней договор то здесь, то там неоднократно нарушался, кончилась большая война, и афиняне наконец вкусили прелесть мира...